

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № **160** [6'2019]

**ОПЫТЫ ЛИТЕРАТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

7 *Сергей Фокин, Александра Уракова.* От составителей

ЛИТЕРАТУРА, ЭКОНОМИКА, ЯЗЫК

14 *Сергей Зенкин.* Слова и деньги: опыт сравнительной семиотики

23 *Наталья Азарова, Кирилл Корчагин.* Поэзия и деньги: экономические реалии в новейшей русской поэзии

35 *Ольга Волчек.* Ложь реализма и правда романтизма: экономика любви в романах Ф. М. Достоевского и А. Дюма-сына

ЭКОНОМИКА ВОЗВЫШЕННОГО ОБМЕНА

46 *Ирина Головачева.* Красота как товар: перемещение ценностей, жертвы и дары в «Трофеях Пойнтон» Генри Джеймса

57 *Александра Уракова.* Дар или сделка? «Возвышенная экономика» Генри Джеймса в «Крыльях голубки»

- 64** *Татьяна Венедиктова.* Пункт обмена опытом: функция метафоры в реалистическом тексте (читая «Мидлмарч»)
- 72** *Ольга Половинкина.* «Хороший солдат» Ф.М. Форда: homo eopoticus в роли «ненадежного повествователя»

МИКРОИСТОРИЯ В РОССИИ: THE STATE OF THE ART

- 83** *Тимур Атнашев, Михаил Велижев.* Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках
- Участники дискуссии: *Ольга Тогоева, Ольга Бессмертная, Ольга Кошелева, Андрей Зорин, Андрей Олейников, Сергей Зенкин, Ирина Щербакова, Вера Дубина, Михаил Бойцов*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ: Л. М. БАТКИН

- 122** *Александр Дмитриев.* Баткин и марксизм, или Снова об «уютности культуры»
- 144** *Ника Кочековская.* Рациональный язык как основа коммуникативного действия и «эзопов язык» в позднесоветской гуманитаристике: случай Л.М. Баткина
- 162** *Александр Марков.* «Единая плоть»: одна скрытая полемика Баткин — Аверинцев — Баткин

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Л. М. БАТКИНА

- 171** *Н.Т. Баткина, Николай Поселягин.* От составителей
- 174** Дневник Л.М. Баткина 2015 года
- 185** Л.М. Баткин — Д.Г. Лахути. Переписка 2016 года

IN MEMORIAM

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОСНОРА

(28 апреля 1936, Алупка — 13 июля 2019, Санкт-Петербург)

- 222** *Илья Кукулин.* «Туда, где нет Я...»: Виктор Соснора и эволюция русской поэзии второй половины XX века
- 237** *Юрий Орлицкий.* О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания)
- 258** *Людмила Зубова.* Металлы Виктора Сосноры
- 281** *Корнелия Ичин.* Виктор Соснора о числах

патели. А потому мне отчасти жаль, что наш круглый стол по микроистории, который проходил в издательстве «Новое литературное обозрение» и материалы которого мы теперь представляем читателям, проходил в узком кругу и на нем не присутствовали наши ученики — наши возможные будущие коллеги, которым было бы полезно не только прочитать наши размышления на страницах журнала, но и услышать наши споры. Ибо именно в нашей стране и именно сейчас, когда наше прошлое все чаще подвергается ревизии и вновь столь активно политизируется, современная российская наука, возможно, как никогда раньше, нуждается в микроисторическом опыте исследований, который не дает «сглаживать углы» и замалчивать «неудобные» факты.

Ольга Бессмертная¹²

Снова микроистория?

«Микроистория? Но она же устарела!» — так в 2003 году ответила на мой вопрос член редколлегии французских «Анналов», Ж. Дахлиа. А тогдашний главный редактор журнала, Ж. Полони-Симар, высказался прагматичнее: «Журнал сейчас стремится преодолеть микроисторию. Нужно искать новые формы общения...» Такой 15 лет назад была позиция тех самых «Анналов», которые в 1988—1989 годы, оспаривая собственную «броделевскую парадигму», и серийную историю, провозгласили «критический поворот» — он же поворот «исторический», или «прагматический», положивший микроанализ (а за ним — «игру масштабов») в свою основу [Annales 1988; 1989]. Я собирала эти мнения, готовясь к московской конференции 2005 года, посвященной состоянию, возможностям и перспективам «многоликой микроистории», т.е. к обсуждению, аналогичному нашему сегодняшнему. Интересно, что волны таких обсуждений возникают с некоторой цикличностью, возможно, не только случайно.

Тогда у меня сложилось впечатление, что микроистория победила — и удалась. Победила — в том смысле, что познавательные и исследовательские презумпции, которые она (вместе с «соратниками») предложила в борьбе с историей «серийной», историей макро, самый образ мира, который она отстаивала в этой борьбе, стали «общим местом» большинства легитимных, с точки зрения профессионального консенсуса, исторических исследований, независимо от того, в какой перспективе, микро или макро, они осуществлялись. Удалась — в том смысле, что вместе с затуханием споров о ней и обретением легитимности ею самой она ушла на периферию исторических поисков, так что микроисследования воспринимаются как удел энтузиастов — неленивых приверженцев, так же, как и в целом вообще с любым конкретным историческим исследованием.

¹² Ольга Юрьевна Бессмертная, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, доцент НИУ ВШЭ.

Казалось бы, чем плоха эта «тихая заводь», где не с кем и незачем спорить, кроме как по поводу конкретных вопросов конкретной исследовательской темы, а исследователь может, не отвлекаясь на теоретическую аргументацию (чего, впрочем, почти не бывает), плотно заниматься своим исследовательским делом? Но тогда следовало бы вернуться к общим общепонятным вопросам «тихих заводей», грозящих их обитателям утратой ощущения пространства), что микроистория — во всей ее многоликости — превратилась в одну из многих исследовательских техник с некоторыми собственными, но не специфическими возможностями и со специфическими ограничениями. Иными словами, — в наборы приемов, общим для которых служит лишь масштаб исследовательского кадра и характер исследовательского усилия. Способная дать интересные, увлекательные, но частные результаты, она при таком взгляде лишена какой-либо концептуальной значимости. Я подозреваю, что основанные на подобном представлении отторжение или безразличие к микроистории, да и усталость от когда-то бурных дискуссий вокруг нее, распространены довольно широко. Только ли незнанием итальянского языка или ранним завершением издания объясняется недостаточная известность книг серии «Микроистории», о которой говорят М. Велижев и Т. Атнашев? Хотят ли их знать те, кто их еще не знает (ведь некоторые из этих книг все же были переведены на другие языки, ср.: [Levi 1988])? Нельзя ли предположить, что энтузиасты микроистории остаются и так энтузиастами, а равнодушные полагают, что уже все так про нее знают?

И все же мне кажется, что и сегодня микроистории (снова?) есть «с чем спорить» и что сказать. Похоже, обнаруживается — на отмеченном не всегда позитивном фоне — и новая волна (во всяком случае, всплески) интереса к ней, частью чего, вероятно, оказывается и наше обсуждение. Предположу, что микроистория оказывается (вновь) актуальной во многом — хотя и не только — по тем же причинам, по которым ее отторгают. Каковы они? Я бы различила здесь два плана — содержательный и институциональный.

Стоит вспомнить, что, начиная с истоков, речь шла отнюдь не о спонтанном «небрежении» (как это сказано в предложенном нам вопроснике) «большими нарративами», а о принципиальном, ключевом отвержении их всеми направлениями микроистории. Об «истории снизу», *au gas du sol*, говорили в нескольких отношениях. Разумеется, требовалось услышать собственные голоса действующих лиц истории, особенно лиц, до тех пор не слышных, угнетенных, из низовых социальных слоев (это перекликалось не только со сформировавшимися чуть позже постколониальными исследованиями, но и с отвергаемой, в частности за детерминизм и «тотальность», историей ментальностей, уже интересовавшейся «молчаливым большинством»). Но само это обращение к низовой жизненной многоголосой стихии было тесно связано с отвержением общих схем и категорий (тех самых «больших нарративов»), навязываемых действительности «историей сверху» [Леви 1996 (ориг. 1991)]. Отсюда и стремление черпать сам язык описания из эмпирики¹³. Отвержение телеологичности истории, утверждение прерывности и разнородности реальности, ее многоуровневости, множественности ее темпоральностей и пересе-

¹³ Отсюда же и хорошо запомнившаяся у нас критика предполагавшегося стремления микроистории выработать некий особый понятийный язык [Копосов 2000]; подчеркну, что главный вопрос этой статьи — проблема исторического обобщения.

ченности пространств, отсутствия в ней (больших) законов, центра, но значимости индивидуального выбора, agency, — лежало в той же плоскости, что и постмодернистская аргументация (возможно, сегодня, когда наша обыденная картина действительности не в последнюю очередь формируется «Игрой престолов», мы уже забыли, сколь неочевидно это было в конце 1970-х и даже еще в начале 1990-х годов). Мы привыкли противопоставлять «постмодернизм» и микроисторию — прежде всего, в силу широко известной полемики К. Гинзбурга (выражающего, в целом, общую позицию историков этого направления) против постмодернистского «скептицизма» в отношении к познаваемости прошлого и утверждения произвольности исторических построений. При этом мы, кажется, иногда забываем, что у них был общий импульс¹⁴. Конечно, микроисторика были более «прагматичны», в том смысле, что их перекройка образов истории и мира осуществлялась прежде всего ради практики исторического исследования, давая ей новое осмысление, а не в целях философствования как такового. Но можно, наверное, сказать, что это был один из конструктивистских, нацеленных на достоверную интерпретацию прошлого изводов постмодернизма — и именно микроистория предлагала такой образ прошлого при ориентации на доказательность в его изучении.

Стремление «преодолеть микроисторию», о котором говорил Ж. Полони-Симар, было вызвано переориентацией (вслед за американцами, но непременно по-своему) доминирующих интересов исторических институций на большие, глобальные процессы и связи, на поиски альтернатив «фрагментированной истории» — что лишь укрепилось сейчас. Даже компаративная или перекрестная история (*histoire croisée*) задумывались в этом направлении. Заговорили о необходимости вернуться, переосмыслив понятие Броделя, к истории — точнее, нарративу — большой длительности (*longue durée*), иногда с манифестированно прагматическими целями ([Гулди, Армитедж 2015]; этот «Исторический манифест» вызвал, впрочем, широкую критику, в частности, в тех же «Анналах» (2015, № 2) и «Ab Imperio», который посвятил соотношению глобального и локального выпуск 2017 года). Однако образ мира и в «глобальных историях» остается сложным, они вовсе не стремятся вернуться к телеологическому прошлому. Так что в этом отношении микроистория и впрямь теряет «лица необщее выражение».

Более того, «глобальная история», казалось бы, не прямо противостоит и не мешает микроистории. Обсуждения способов писать глобальную историю могут включать уровень микро как один из планов исследования, нацеленного на глобальность. Предлагают чередовать микро- и макрокадры и включать результаты «локальных» исследований в «долгосрочный» нарратив [Гулди, Армитедж 2015]; отмечают возможность рассматривать локальное сквозь призму

14 Так, знаменитая полемика Гинзбурга с Анкерсмитом свидетельствует, как мне кажется, не только об их расхождении, но и об общих истоках [Гинзбург 2004: 310–313]. Игнорирование этой общности ведет и к тезису, что «российская микроистория» была гораздо благожелательнее к постмодернизму, чем итальянская или французская, что мне представляется верным преимущественно в эмоциональном аспекте. Все-таки и основатели «Казуса», при всем их конструктивистском подчеркивании определяющей роли исследователя в создаваемых нами картинах прошлого и утверждении множественности исторической истины, предполагали определенную доступность прошлого историку — хотя и очень ограниченную, на уровне «интерпретации интерпретаций».

глобального (изучать «глокальное») или изучать какое-либо конкретное явление поверх предзаданных границ [Конрад 2018: 94—96]. Характерно, что именно из перспективы «глобальной истории» признанные классики микроистории — Н.-З. Дэвис и Дж. Леви (это лишь известные мне выступления) — снова подняли вопрос о назначении своего детища: месте микроистории в контексте глобальных исследований ([Davis 2011; Levi 2018]). Речь во многом идет об отказе от писания истории с позиции «из центра» (преодоления европоцентризма), и микроистория (вновь) предстает одним из путей к этой цели. В поисках «партнеров» оба автора подчеркивают значимость постколониальных исследований как отвергнутого (европо)центризм способа услышать многие голоса. Стремясь выстроить «децентрированное» глобальное, но при том сохранить видение субъекта в его специфике, Н.-З. Дэвис предлагает даже сравнить персонажей, которые ранее казались не сравнимыми: Кристину Пизанскую и Ибн Халдуна. Но это, мне кажется, не получается: нацеленность на сравнение и поиск его общих критериев «уплощает» сравниваемые контексты, лишая каждый той самой многомерности, ради которой микроисследование обычно и предпринимается. Впрочем, это могло быть результатом заведомо ограниченного объема статьи. И все же создается впечатление, что это скорее — «оборона на отступах».

Проблема, мне кажется, по-прежнему — в способах выстраивания контекста рассматриваемого случая, перехода от микро к макро и обратно, иными словами — в способах обобщения [Копосов 2000]. Микроисторическое исследование — не любое «кейс-стади» (используя микроскоп, оно выстраивает «большой вопрос» и многомерный контекст; ср.: [Magnusson, Szijarto 2013]). Когда мы рассматриваем что-то с близкого расстояния, «снизу», мы видим не подробности того же, что видно из перспективы макро, а нечто иное: механику конкретного поведения и отношений (а то и мотивации) конкретных людей, конкретные обстоятельства конкретного скандала, конкретные практики (судебные, обманные, жизнестроительные и др.), конкретные ситуации. Прямолинейно, по давнему принципу «от частного к общему», в перспективу макро так увиденные «случаи», как хорошо известно, не вкладываются. Эта проблема разрабатывалась всеми микроисторическими направлениями (знаменитые концепции «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга или «нормального исключительного» Э. Гренди), но особенно отмечу французский прагматический поворот. Он ввел в оборот историков (а не только социологов) понятие «прагматическая ситуация» [Lepetit 1995], проблематизировал «игру масштабов» и смену фокуса рассмотрения [Revel 1996] и заострил вопрос о том, что значит «думать случаем», обобщать «по горизонтали» [Ревель 2003; Ревель, Пассерон 2015]. С «прагматическим поворотом», на мой взгляд, был особенно тесно связан в 1997—2000 годы и альманах «Казус» [Бессмертный 2000]. Теперешняя переориентация академических ориентиров на США сделала французские «повороты» куда менее известными.

Однако «усталость» от дискуссий вокруг микроистории, как мне кажется, связана во многом с тем, что общее практическое решение проблемы обобщения — или, проще, репрезентативности микроисторических исследований — оказалось невозможно найти (и дискуссии эти вынужденно возвращаются все к тем же исходным вопросам). Каждый изучаемый случай требует специфической исследовательской изобретательности, позволяющей смотреть сквозь него на «большие процессы». И, если речь идет, например, о конкретном пер-

сонаже, не превращать его ни в «типичного представителя», лишь иллюстрирующего общее, ни — замыкаясь в его специфике — в героя исторического анекдота. Сами поиски пути между «Сциллой образца» и «Харибдой анекдота», дабы и сохранить специфику случая, и увидеть его контекст, зачастую требуют особого способа повествования (о чем писали многие, в частности Гинзбург [Гинзбург 2004: 301–303] — в другой связи), иногда намеренно литературного не только стилистически, но и — в поисках близости к художественному обобщению — через построение интриги.

Но тогда вступают в силу институциональные препоны: возросший, на мой взгляд, по сравнению с 1990-ми годами (во всяком случае, у нас) scientism гуманитарного академического мира, «правила академического письма», стандартизация гуманитарной научной продукции (не в последнюю очередь связанная с возросшей ролью peer review: анонимный рецензент журнальной статьи лучше слышит то, что готов услышать, чем нечто «изобретательное»), университетские требования наращивать число публикаций, фактически отвергающие все медленное — «медленное чтение», «плотное описание», развернутый объем исследовательского нарратива и пр. Зато неизбежность изобретательности для микроисторика (не являющаяся, разумеется, лишь его исключительной чертой), как и сама острота проблем гуманитаристики, актуализированных микроисторией (ориентация на достоверность, в частности), оказываются залогом той рефлексии над используемыми исследователем подходами и процедурами, о важности которой в микроисторической серии «Эйнауди» говорят М. Велижев и Т. Атнашев. Рефлексия в микроистории укоренена.

Так микроистория становится способом противостоять стандартизации во всех аспектах, утверждая сложность отношений индивидуального (субъекта, и исследователя в частности, его способности выбора — agency, конкретной ситуации, отдельного вообще) и его контекста, точнее — контекстов (поскольку они всегда множественны). Речь идет не только о прерывности и неоднородности социальных структур, к демонстрации силы которых нас призывают вернуться, но и о том, что лежит вне них.

В некоторых отношениях, стоит признать, микроистория и вовсе никуда не удалялась, выступая иной раз под иными обличьями (когда авторы будто не помнили или не считали нужным объявить, что «говорят прозой»). Тут широко известные исследования (советской) субъективности и источников личного происхождения [Хельбек 2017; Paperno 2009; Slezkine 2017]¹⁵. И «научная биография», пишущаяся в микроисторическом ключе с разными целями: иногда сквозь нее описывают многообразие имперских контекстов, иногда — историю революции, иногда — все вместе и почти всегда — конструирование индивидуальной идентичности и стратегии мобильности [Sunderland 2014; Сабурова, Эклоф 2016]¹⁶. Но невеселие систем (их пористость и под-

15 Внимание к индивидуальному и к agency — разумеется, не залог идеологической общности авторских позиций. Отмечу также, что в этой перспективе исследуется (как у Хельбека) индивидуальная выработка конформизма столь же, сколь и его альтернатив.

16 Ряд подобных проектов обсуждался в русле проблем микроистории на круглом столе «Сырवार и кровавый навет: микроисторические подходы к имперской истории России» (The Cheese Master and Blood Libel: Microhistorical Approaches to Russia's Imperial History), проходившем на съезде ASEES 2018.

вижность) обнаруживается и вне «персональной истории». Например, при исследовании микроистории колониальных взаимодействий, когда тесная взаимозависимость практик «колонизаторов» и «колонизованных» приводит к формированию общей для них культуры, включая культуру лжи (и к трансформации их «исходных» культур) [Sartori 2017]. Исследование форм поведения — например, способов обмана, достижения доверия, причин его утраты — может открыть характер взаимодействия действующих лиц с самыми прочными общественными ожиданиями и пути индивидуального воздействия на них.

Характерно, что микроисследования специально востребованы в изучении Холокоста, где — в сочетании с перспективой «макро» — они призваны показать как разнообразие форм сопротивления (а не пассивной жертвенности евреев), так и «импульсы, динамику и разные пласты преследований», демонстрируя, что среди гонителей не существовало «немца вообще» [Gruner 2010: 336—337]. Они позволяют обсуждать и соотношение власти и общественных практик, то, как работает общество, как это делает Ян Гросс, обнаруживая, что погромы в Польше происходили обычно как массовые акты с участием местной элиты, а спасали евреев чаще маргиналы — проститутки, религиозные фанатики и пр. [Gross 2006]¹⁷. Здесь, правда, грань между перспективами «микро» и «макро» вновь размывается. Но в продуктивности такого рода чередования фокуса вряд ли стоит сомневаться и при исследовании иных репрессивных режимов.

Во всем этом возвращение субъекта мне представляется наиболее ценным эвристически, и концептуально. Пусть он вернулся довольно давно, но его никак не хотелось бы отпустить — тем более на фоне возвращающихся «скреп» новых национализмов, тех самых структур, которым только его присутствие может противостоять.

Ольга Кошелева¹⁸

Взгляд практикующего микроисторика

Опыт, накопленный микроисторией к настоящему времени, столь разнообразен, что рассуждать о ней как о едином, целостном направлении невозможно. Готовясь к сегодняшней встрече, я стала очерчивать различные направления (социальное, культуральное и др.), а также набрасывать проблемы, которые стоят сегодня перед микроисториками и обсуждаются в мировом историческом сообществе. У меня стал получаться солидный двухчасовой доклад, а не краткое выступление. Что делать? Я попробовала в первую очередь дать прос-

¹⁷ Я признательна Н.Е. Копосову за указание на книги Гросса, как и за само это наблюдение.

¹⁸ Ольга Евгеньевна Кошелева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Библиография / References

- [Бессмертный 2000] — *Бессмертный Ю.Л.* Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2000. Вып. 3. М., 2000. С. 52—62.
- (*Bessmertny Yu.L.* mnogolikaya istoriya (Problema integracii mikro- i makropodhodov) // *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii* — 2000. Issue 3. Moscow, 2000. P. 52—62.)
- [Бойцов, Тогоева 2007] — *Бойцов М.А., Тогоева О.И.* Дело «Казуса» // *Средние века*. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 149—159.
- (*Bojcov M.A., Togoeva O.I.* Delo «Kazusa» // *Srednie veka*. Issue 68 (4). Moscow, 2007. P. 149—159.)
- [Гинзбург 2004] — *Гинзбург К.* Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история / Пер. с ит. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004.
- (*Ginzburg S.* Miti emblemii spie. Morfologia e storia. Moscow, 2004.)
- [Гинзбург 2018] — *Гинзбург К.* Загадка Пьеро / Пер. с ит. М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (*Ginzburg K.* Zagadka P'ero / Transl. by M. Velizhev. Moscow, 2018.)
- [Гулди, Армитедж 2015] — *Гулди Дж., Армитедж Д.* Исторический манифест // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 21—75; № 2. С. 25—61; № 3. С. 23—71; № 4. С. 27—89.
- (*Guldi J., Armitage D.* The History Manifesto. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Земцов 2016] — *Земцов В.* Отказ от микроистории? // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2014—2016. Вып. 11. М., 2016. С. 367—378.
- (*Zemtsov V.* Otkaz ot mikroistorii? // *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii* — 2014—2016. Issue 11. Moscow, 2016. P. 367—378.)
- [Козлов 1994] — *Козлов С.Л.* Методологический манифест Карло Гинзбурга в трех контекстах // *НЛО*. 1994. № 8. С. 27—31.
- (*Kozlov S.L.* Metodologicheskij manifest Karlo Ginzburga v trekh kontekstah // *NLO*. 1994. № 8. P. 27—31.)
- [Конрад 2018] — *Конрад С.* Что такое глобальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- (*Conrad S.* What is Global History? Moscow, 2018. — In Russ.)
- [Копосов 2000] — *Копосов Н.Е.* О невозможности микроистории // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2000. Вып. 3. М., 2000. С. 33—51.
- (*Koposov N.E.* O nevozmozhnosti mikroistorii // *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii* — 2000. Issue 3. Moscow, 2000. P. 33—51.)
- [Леви 1996] — *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // *Современные методы преподавания новейшей истории*. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167—190.
- (*Levi G.* On Microhistory. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Магнуссон 2017] — *Магнуссон С.Г.* Войти в одну реку дважды // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2017 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2017. Вып. 12. С. 308—322.
- (*Magnusson S.G.* To Step Twice in the Same Stream. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Ревель 2003] — *Ревель Ж.* Возвращение к событию: пути историописания // *Номо Историчесус: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. М.: Наука, 2003. Кн. 1. С. 238—254.
- (*Revel J.* Retour sur l'événement: un itinéraire historiographique. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Ревель, Пассерон 2015] — *Ревель Ж., Пассерон Ж.-К.* «Казусное» мышление: Метод рассуждения, построенный на частных случаях // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* — 2010—2013. М., 2015. С. 251—268.
- (*Revel J., Passeron J.-C.* Penser par cas: Reasonner à partir de singularités. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Сабурова, Эклоф 2016] — *Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (*Saburova T., Eklof B.* Druzhba, sem'ya, revolyuciya: Nikolaj Charushin i pokolenie narodnikov 1870-h gg. Moscow, 2016.)
- [Тогоева 2018] — *Тогоева О.И.* Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- (*Togoeva O.I.* Dela ploti. Intimnaya zhizn' lyudej Srednevekov'ya v prostranstve sudebnoj polemiki. Moscow; Saint Petersburg, 2018.)
- [Хелльбек 2017] — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (*Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Человек в кругу семьи 1996] — *Человек в кругу семьи*. Очерки по истории частной жизни

- в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996.
- Человек в кругу сем'и. Oчерки по istorii chastnoj zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni / Ed. by Yu.L. Bessmertny. Moscow, 1996.)
- Человек в мире чувств 2000] — Человек в мире чувств: Oчерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000.
- Человек в мире чувств: Oчерки по istorii chastnoj zhizni v Evrope i nekotoryh stranah Azii do nachala Novogo vremeni / Ed. by Yu.L. Bessmertny. Moscow, 2000.)
- [Annales 1988] — Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? // Annales ESC. 1988. № 2. P. 291—293.
- [Annales 1989] — Tentons l'expérience // Annales ESC. 1989. № 6. P. 1317—1323.
- [Davis 2011] — Davis N.Z. Decentering History: Local Stories and Cultural Crossings in a Global World // History and Theory. 2011. Vol. 50. P. 188—202.
- [Desideri 1994] — Desideri P. La prova nell'oratoria giudiziaria e nella storiografia nel mondo antico // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. P. 43—57.
- [Ginzburg 1994] — Ginzburg C. Aristotele, la storia, la prova // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. P. 5—17.
- [Gross 2006] — Gross J. Fear. Anti-Semitism in Poland after Auschwitz: An Essay in Historical Interpretation. Princeton; Oxford: Princeton University press, 2006.
- [Gruner 2010] — Gruner W. The History of the Holocaust: Multiple Actors, Diverse Motives, Contradictory Developments and Disparate (Re)actions / C. Wiese, P. Betts (Eds.). Years of Persecution, Years of Extermination: Saul Friedlander and the Future of Holocaust Studies. London; N.Y.: Continuum, 2010. P. 323—341.
- [La Malfa 2016] — La Malfa S. La collana Einaudi «Microstorie» (1981—1991) // Storiografia. Vol. 20. 2016. P. 197—214.
- [Lepetit 1995] — Lepetit B. Histoire des pratiques, pratique de l'histoire // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / Sous la direction de B. Lepetit. Paris: Albin Michel, 1996. P. 9—22.
- [Levi 1988] — Levi G. Inheriting Power: The Story of an Exorcist. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- [Levi 2018] — Levi G. Microhistoria e Historia Global // Historia Crítica. 2018. № 69. P. 21—35.
- [Magnusson, Szijarto 2013] — Magnusson S.G., Szijarto I.M. What is Microhistory? Theory and Practice. London; N.Y.: Routledge, 2013.
- [Manetti 1994] — Manetti G. Indizi e prove nella cultura greca: forza epistemica e criteri di validità dell'inferenza semiotica // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. P. 19—42.
- [Momigliano 1984] — Momigliano A. The Rhetoric of History and the History of Rhetoric: On Hayden White's Tropes // Momigliano A. Settimo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1984. P. 49—59.
- [Momigliano 1985] — Momigliano A. History between Medicine and Rhetoric // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 1985. Serie III. Vol. 15. № 3. P. 767—780.
- [Paperno 2009] — Paperno I. Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2009.
- [Pucci 1994] — Pucci G. La prova in archeologia // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. P. 59—74.
- [Revel 1996] — Revel J. (Ed.). Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. Paris: Gallimard; Le Seul, 1996.
- [Sartori 2017] — Sartori P. Visions of Justice. Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden; Boston: Brill, 2017.
- [Slezkine 2017] — Slezkine Yu. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University press, 2017.
- [Sunderland 2014] — Sunderland W. The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
- [Vineis 1990] — Vineis P. Modelli di rischio. Epidemiologia e casualità. Torino: Einaudi, 1990.
- [Vineis 1994] — Vineis P. La prova in medicina // Quaderni storici. 1994. Vol. 29. P. 75—90.

шатели. А потому мне отчасти жаль, что наш круглый стол по микроистории, который проходил в издательстве «Новое литературное обозрение» и материалы которого мы теперь представляем читателям, проходил в узком кругу и на нем не присутствовали наши ученики — наши возможные будущие коллеги, которым было бы полезно не только прочитать наши размышления на страницах журнала, но и услышать наши споры. Ибо именно в нашей стране и именно сейчас, когда наше прошлое все чаще подвергается ревизии и вновь столь активно политизируется, современная российская наука, возможно, как никогда раньше, нуждается в микроисторическом опыте исследований, который не дает «сглаживать углы» и замалчивать «неудобные» факты.

Ольга Бессмертная¹²

Снова микроистория?

«Микроистория? Но она же устарела!» — так в 2003 году ответила на мой вопрос член редколлегии французских «Анналов», Ж. Дахлиа. А тогдашний главный редактор журнала, Ж. Полони-Симар, высказался прагматичнее: «Журнал сейчас стремится преодолеть микроисторию. Нужно искать новые формы общения...» Такой 15 лет назад была позиция тех самых «Анналов», которые в 1988—1989 годы, оспаривая собственную «броделевскую парадигму» и серийную историю, провозгласили «критический поворот» — он же поворот «исторический», или «прагматический», положивший микроанализ (а за ним — «игру масштабов») в свою основу [Annales 1988; 1989]. Я собирала эти мнения, готовясь к московской конференции 2005 года, посвященной состоянию, возможностям и перспективам «многоликой микроистории», т.е. к обсуждению, аналогичному нашему сегодняшнему. Интересно, что волны таких обсуждений возникают с некоторой цикличностью, возможно, не только случайно.

Тогда у меня сложилось впечатление, что микроистория победила — и удалась. Победила — в том смысле, что познавательные и исследовательские презумпции, которые она (вместе с «соратниками») предложила в борьбе с историей «серийной», историей макро, самый образ мира, который она отстаивала в этой борьбе, стали «общим местом» большинства легитимных, с точки зрения профессионального консенсуса, исторических исследований, независимо от того, в какой перспективе, микро или макро, они осуществлялись. Удалась — в том смысле, что вместе с затуханием споров о ней и обретением легитимности ею самой она ушла на периферию исторических поисков, так что микроисследования воспринимаются как удел энтузиастов — неленивых приверженцев такого способа обращения к прошлому [Земцов 2016]. Или же, наоборот, они отождествляются вообще с любым конкретным историческим исследованием.

12 Ольга Юрьевна Бессмертная, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, доцент НИУ ВШЭ.